

Александр Александрович Мамаев

Там, за горами...

Итальянские письма, стихи и проза Веры Хлебниковой

С Италией (в частности, с Флоренцией) тесно связана биография известной русской художницы Веры Владимировны Хлебниковой (1891-1941), младшей сестры великого поэта и мыслителя Велимира Хлебникова.

Во флорентинский период жизни (1913-1916) Вера Хлебникова сложилась не только как живописец, но и как самообытный писатель. Об этой грани её та-

Вера Хлебникова на Капри. 1913 г.

ланта известно весьма немного. Большинство её рукописей донныне не опубликовано. В декабре 1994 года их передал в Дом-музей Велимира Хлебникова в Астрахани сын художницы Май Петрович Митурич-Хлебников. Часть этого довольно обширного литературного наследия составляют письма, а также стихи и проза об Италии (Флоренции, Капри), далеко не всегда датированные. Они (чаще всего, черновой вариант) записаны на листах тетрадного или альбомного формата, бумага которых пожелтела, а чернила местами выцвели. Имеются малоразборчивые места и утраты текста. Часть стихов Веры Хлебниковой представлена в копиях, сделанных рукою её мужа П.В. Митурича. Её стихи и проза об Италии публикуется здесь впервые.

Осенью 1913 года художница Вера Хлебникова внезапно покидает Париж. Депрессия, упадок сил были вызваны непосильной нагрузкой (порой по 14 часов в сутки в “бессолнечной мастерской”), но не только этим. “Я задыхаюсь в Париже, – пишет она матери в Астрахань. – Солнце во мне погасло, ощущается беззвучная мгла”. Но только ли о парижском солнце шла речь? Сохранился фрагмент вериного письма Кес ван Донгену, её любимому учителю, который внезапно уехал в Египет.

Я хотела всегда слушать и получать поправки от Солнца. Когда оно меня покидает – это Вы...

Я хочу от всего моего сердца, чтобы Вы сделали вещи красивые и сильные. Как песни Солнца! И чтобы это видел Париж¹.

Кес ван Донген – вот кто был её Солнцем!

Его неожиданный отъезд был похож на закат. В её душе всё погасло, смерклось. Лишённая занятий у ван Донгена и не принимая ‘поправок’ от других профессоров, Вера едет в Италию, чтобы восполнить пробелы своего художественного образования. Её выбор падёт на Флоренцию, где она надеется посещать галерею Уффици. Но... доступ туда оказался для неё закрыт, так как, урывками обучаясь в заведениях Казани, Киева, Москвы, Санкт-Петербурга и Парижа, она так и не обзавелась никаким художественным дипломом.

Хлебникова не растерялась. Суровая парижская школа, “годы голодного служения живописи” не прошли даром. Она знакомится с художниками-флорентинцами Ф. Дани, Чекки и Бернардини и в общении с собратьями по холсту быстро овладевает навыками живой итальянской речи. “Что я теперь делаю? – пишет она матери 28 декабря 1913 года. – Выслуживаю свободный доступ во все галереи. Благодаря тому, что у меня нет никаких ученических свидетельств, правила требуют экзамена (посредством копий). И вот я, дай бог терпения, вчера начала в галерее Уффици свой подвиг”. ‘Подвиг’ блистательно увенчался: “Я приготовила такую чудесную копию, какой не видели стены Уффици! Дамы серьёзно наводили лорнеты, красивые итальянцы останавливались с раскрытыми ртами... Затем копия была поставлена лицом к публике: у тёмного монаха явились прекрасные красные волосы, бледно-зелёное лицо и были гневные глаза (проходящие французы заявляли *me se jol!*² и правда не плохо!)”.

Приезд Хлебниковой во Флоренцию совпал с прибытием в неё давинчевской *Джоконды*, к которой, “как к чудотворной иконе стекаются флорентинцы”. Но Вера не попадает под общий гипноз. “Посылаю бедную “Джиоконду” (открытку – А.М.), – пишет она матери. – Как нравится? Надеюсь, что не очень!?”.

Во Флоренции, а ещё раньше – в Париже, впервые считывая с ‘живого’ холста картины признанных мастеров, Хлебникова их по-своему критически переосмысливает: “У Веласкеса живопись не производит никакого впечатления”, у Боттичелли “особенно утомляет ритм линий”. Видимо, столь же категорична её оценка *Джоконды*.

Италия открыла новые возможности Хлебниковой-живописцу. Об этом немало написано (см. Обухова 1977; Азаркевич 1979; Бобков 1987). Её талант

¹ Перевод с франц. языка. Оригинал хранится в Доме-музее Велимира Хлебникова в Астрахани.

² Искажённое франц. *Mais c'est joli!* (Но это чудесно!).

*Леонардо да Винчи, Джоконда. Открытка из коллекции Веры Хлебниковой.
Фонды Дама-музея Велимира Хлебникова.*

мужал, и не пустой похвалой звучали слова: “Мне сулят славу и не жалеют комплиментов”.

В Италии она много путешествовала, побывала в Риме, Венеции, Неаполе, на Капри, но основную часть времени прожила во Флоренции, приняв в ней её на целых три года (1913-1916). Ей навсегда полюбился “серый цвет – цвет флорентийских дворцов, старинных палаццо и церквей”, “золото роз и зелень тёмного малахита”, “очарование минувшего – Флоренция”. Флоренции посвящён цикл её стихотворений и несколько прекрасных эссе.

С началом войны Вера всё чаще задумывается о возврате на родину. Тоска по России прорывается ещё в парижских письмах: “...тоскую по русским лесам и болотам. Как бы я хотела сейчас пролететь по широкому полю! Да у меня и благородная калмыцкая душа...”. “Я ношу всегда на шее мордовский шнурок, чем горжусь”. И в парижских студиях, и в галереях Флоренции не забывалась Калмыкия, в одном из улусов которой родилась Вера Хлебникова, и село Помаево, где она узнала мордовские мифы и фольклор, где её мать, Екатерина Николаевна, по воскресеньям приглашала в свой дом местных жительниц, и начинались буйные мордовские пляски и песни (Douglas 1987: 4-5). Вот откуда у художницы тяга к калмыцкой и мордовской экзотике, к загадкам Ганга и Бенареса. Мы ещё так мало знаем о жизни Веры Владимировны. Многим ли, например, известно, что она переводила... с индусского языка?.. была приглашена в Индию?

В августе 1916 года, кружным путём через Англию, Вера возвратилась в Россию. Увы! почти всё, созданное ею в солнечной Италии, осталось *Там, за горами...*, в доме её хозяйки Адели Ранфиньи. В чемодан уместилось полтора десятка живописных работ, они и были привезены в родительский дом, в Астрахань. О том, насколько они ценны, уже говорит тот факт, что десять из них ныне находятся в Государственном Русском музее Санкт-Петербурга.

10 ноября 1923 года Вера получает тёплое письмо от своей бывшей флорентийской хозяйки: “Милейшая синьорина! Мы часто вспоминаем Вас... Что касается картин, они у нас и, как обещали, храним их, и они всегда в Вашем распоряжении”³. Увы! вернуться за ними в Италию Вера уже не смогла, и их следы окончательно затерялись.

Больше повезло её литературному архиву, часть которого мы здесь публикуем.

*Письма*⁴
(Фрагменты)

Флоренция (1913 – 1915)

Теперь я во Флоренции, я ничего не делаю. Бываю иногда в окрестностях, иногда в церквях, дышу весенним цветочным воздухом, и это самое прекрасное, что можно сделать здесь. Здесь есть солнце, молодость, и все перемены возрастов... цветы, звуки, напевы, прелестные ослы и долгая утомляющая весна... а что нужно душе, вместившей беспредельные калмыцкие степи, кроме изменчивого неба, душистых ветров, скрытой тайны старинных церквей, простого слова приветия, и всё становится откровенно мудрым! Я спасена, счастлива спасена от диких курсов! Какое это хорошее счастье...

* * *

Я люблю смотреть в тёмные закованные окна дворца Питти – и мучить воображение (бывшими тайнами его покоев).

Флоренция походит на душу – живую и чем-то кристально-прозрачную, и эта кристалльность делает её бестелесной.

Я так боялась, что говорю на диалекте Сарги. Но флорентинцы находят очень хорошим мой выговор, я польщена, так как их говор считается одним из

³ Перевод с итал. языка. Копия оригинала – в Доме-музее Велимира Хлебникова в Астрахани.

⁴ Вера Хлебникова редко датировала свои письма. Хронологический порядок их воспроизведения здесь чисто условен. Все эти письма адресованы её матери, Е.Н. Хлебниковой, в Астрахань. За редким исключением, приводятся лишь фрагменты писем.

самых красивых и чистых, лучше римского (словарём я не пользуюсь, ловлю слова на лету речи).

Да, ещё я опьянена?! загадочными плащами флорентинцев, кроваво-красными шубами таинственных сомнительных личностей...

* * *

Я в очень старинной обстановке теперь. Маленькие скворечники-дома заполнены беззвучными обитателями: старушки, поливающие цветы на 10-шаговом дворике, в каждой квартире по клетке с какой-нибудь птичкой, почти трогательно. И мне подчас нравится эта незатейливая жизнь. Я учусь среди них церковным песням, которые порой очень красивы в их простых голосах. Кто думает, что природа Италии очень ярка, ошибается.

Сама она открывается почти всегда через прозрачное серебро (на Капри этот покров тонко-золотой). Но яркие песни, чувства, желания, праздничность характера обитателей (ничего созерцательного!). Он, итальянец, или работает, или громко по-детски шумно празднует...

Здесь дни сгорают для Солнца и звуков. Но во всей Италии нет ничего смешнее путешествующих иностранцев с красным 'Бедкером', вечно полураскрытым ртом и непонимающими недоумевающими глазами.

* * *

Дорогая Мамочка, здесь началась весна. У меня в комнате всю зиму не сходили?! со стола розы, хризантемы, крокусы. Теперь их дополняют дикие фиалки, маргаритки. Я довольна, что в моём распоряжении 2 сада, вчера хозяйка нашего дома дала разрешение и ключ от своего сада, который за нашей квартирой.

Мне хочется в Россию, но я странно привязалась к Италии, несмотря на долгие злоключения, и мне не поверилось бы, если мне сказали б, что я её не увижу. Большие Лилии, о которых ты мне пишешь вторую весну! цветут в мае. Я с трудом добилась сведений о них. Только вчера мне сообщили! что это старинные Лилии Флорентийского герба, цвета – танго –

Целую папу крепко

В эти весенние месяцы меня зовут часто Prima Vera (весна)

Мне нравится!!

* * *

Russia. Астрахань. Воздвиженская улица,
д. Вихмана. Е.В.⁵ Е.Н. Хлебниковой.

23-24. 11. 1914

Дорогая Мамочка.

Теперь у нас дни Карнавала, весёлым воспоминанием о ночных старых празднествах мелькают яркие нарядные маски; на улицах крик, смех, петушиное пение и других крылатых и четвероногих. В лицо беспрестанно сыплются пёстрые конфетти, под их избытком не видно серого камня флорентийских улиц; ещё строже и прекрасней кажутся в этом шуме и яркости старинные палатцы, ещё загадочнее их тяжелые решётчатые окна; быстрее обычного несутся автомобили (sic!) с невинно кривляющейся массой ряженных. Нет красоты, изысканности, богатства, но много искусственности, движения, прозрачности, настроения – и это искупает. Я смотрю до головокружения, а потом, с трудом пробившись через неустанно движущуюся толпу, мы выходим на узкие безлюдные улицы и по старым мрачным вечером мостам безмолвного Арно возвращаемся домой, но с точки зрения хотя бы моих спутников, может, всё это было не так или не совсем так – я не возражаю.

В. Хлебникова, Карнавал во Флоренции. Бумага, сангина. 1914 г.
Из фондов Дома-музея Велимира Хлебникова.

* * *

⁵ Её Высокородно (как жены статского советника).

2 марта 1915

Здесь всё по-старому, всё по-старому. Итальянцы молятся о мире, ежедневно распространяют слухи о появлениях Божьей Матери, предвещающей чуму, тиф, голод. Крестьяне религиозно взволнованы, зажигают на окнах свечи. Кругом реет жуткое ожидание чего-то... придавливая обычную жизнь. Дожди. Я с нетерпением жду весны, солнца и разного другого...

Всех целую. Вера.

Читаю Ариосто, тогда живу в его сказках, забывая о действительности.

* * *

24 июня 1915

Вчера объявлена война. Итальянская молодёжь восхищающе воодушевлена, кругом жутко. Вблизи нас проходят ежечасно поезда – туда... на границы... надрываясь под тяжестью оружия, пожалуй, и проклятий отчаяния солдат-крестьян. Они бросают толпе: “будьте вы прокляты! Хотевшие войну, теперь вы ликуете, а мы уже никогда не вернёмся, не сомневайтесь. Прощай, Флоренция!..”. Так отходят их поезда. Скоро уйдёт на войну мой лучший знакомый, молодой офицер...

*Ф. Дани – итальянский художник, поклонник Веры Хлебниковой
Из фондов Дома-музея Велимира Хлебникова.*

* * *

29 марта 1916

Эти дни журналы полны русскими победами, и моя гордость возросла втрое, заставляя верить в мой баснословный рассказ итальянцев.

Здесь большой недостаток хлеба и установлен для всех серый хлеб. Его же будут есть царевичи. Белый разрешён лишь больным по установке врача.

* * *

Вся Италия сильно изменилась: нет песен, нет смеха — песни солдат и слёзы нарушают царство молчания.

Где Шура? Где Виктор⁶?

Война объявлена! Из итальянской тетради Веры Хлебниковой.
Фонды Дама-музея Велимира Хлебникова

⁶ Верины братья — Александр и Велимир.

Стихи

Флоренция
Три твёрдых стены
Дни славы твоей окружали,
Но крепости пали...
Под игом войны.
А новых побед не стяжали
Веселья земного сыны.
Да, крепости пали...
Ворота стоят невредимы.
Вот эти хранили пути
К подножью Могучего Рима.
Дерзал ли кто смелый пройти
Без спросу сквозь них невредимо?
Теперь же сквозь них пролетают
Безмолвные синие ночи,
И гулы их сводов сурово считают
Ночные часы Санто Кроче.

*Церковь Санто Кроче во Флоренции. Открытка из коллекции Веры Хлебниковой.
Фонды Дома-музея Велимира Хлебникова*

Священный город,
Высям Фьезоли
Ты открываешь лик веков.
Морщины твёрдые изрезали
Чело великих стариков.
Кто пройдёт, кто проедет
По дороге твоего предместья?
Кто взойдёт на вершину,
Где церковь святого Франческо?
Взор падет на могучую высь,
Дерзкий труд пред землей Брунелеско.

* * *

Лишь церкви мир и обрести.
Вкруг города синеют горы.
Не те же ль алтари?
В горах мы люди и цари!

* * *

Кто вывел тебя, Италия,
На торжище земной красотой?
Спроси у Солнца: “Та ли я?”
Оно ответит, быть ли той
Тебе, прекрасной, благовонной,
Но оскудневшей чистотой!
Народ торгует своим гением,
Незлобной, детскою душой,
А женщины своим умением
Едва сравнятся с тем пашой,
Что отравил всех старых жен.
Здесь воздух кровью заражён,
Но крови отвечает месть:
Душа преступна, свята честь!

* * *

Поцелуй, как мотылёк,
Упадёт на чьи-то губки:
Трепет крылышек увлёт
Звонкий смех – белеют зубки.
Мотылёк летит над полем...
Мы цветы, мы чары холим.
Мотылёк летит над полем...

Арабы

Мы Солнцем сожжённые люди,
Его огненной рукой.
Зелёная ночь лишь приносит покой
На наши усталые груди.
Золотые пески
Наших синих пустынь...
Сушат слёзы тоски.

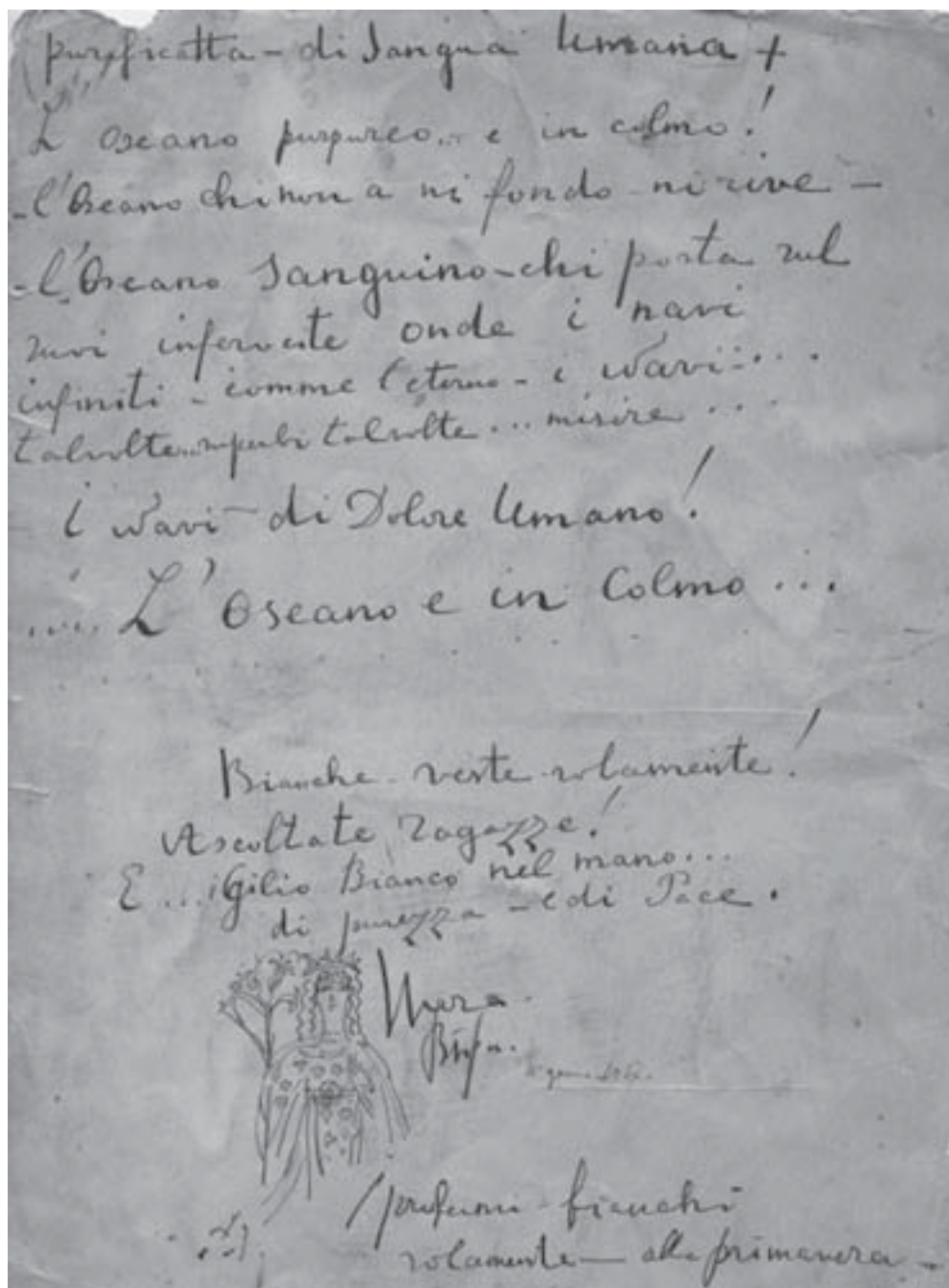
S.Dominico

Белые волны,
Серебряные дали,
Запах нового вина.
Женщины в церкви
Сегодня рыдали:
Будет война.
А небо так сине,
Хрустально, лучисто...
В садах дозревают плоды.
В душе поселянина
Ясно и чисто,
Как в древнем сосуде
Священной воды...
Зачем же война?!
Во взорах зыблется тревога:
Кто хочет крови?
Цари? Страна?
Они спросили у Бога?
Белые волны,
Серебряные дали,
Запах нового вина.

* * *

Я видела в небе кровавые зори,
Безумную алость весенних цветов...
Печаль предстоящего в девичьем взоре,
Черты неизбежного в склоне крестов.

Сарги

В. Хлебникова. Рукопись стихотворения из Итальянского цикла.
 Фонды Дома-музея Велимира Хлебникова

Проза

Я повторяю неустанно: я в Италии! Взор тонет в серебре моря. Безмолвно и плавно проходят пароходы, а по взморью разносится крик ослов, пугая сон тихо зреющих лимонов, в душе молитвы и розы, пьянящие, животворящие. И Воображение улетает за пределы зримого, чуждятся чьи-то черты, живые, свежие, музыка слов и другое море. Кто-то невидимый ударяет по струнам чувств, рождая пышные цветники – новые песни. Мне кажется, что это те легкие туманы над морем, в пределах которых зарождаются грезы о счастье... Любо ли смотреть на море сквозь сладкий аромат южных роз? Ах, любо! Любо ли ехать золотой южной ночью под могучими стройными скалами на легкой лодке, нежась в душистом бархате летней ночи Италии? Дышать морскими брызгами? А весла, лениво рассекая легкую зыбь, забывают золотые ленты – так наряжается ночное море в летний зной, и небрежно брошенные веслами брызги рожают на мгновение роскошь золотых роз на пышном черном кружеве моря. Едем, сливаясь с сказкой бытия в одни звуки, в одни слова напева. Дышать вольно, на душе безмятежно, где-то в светлых пределах зарождается восторг молитвы, но вдруг охватывает печаль неразделенности чувств и настроений – мелькают чьи-то привычные черты и простая, почти неосознанная, детская тоска охватывает душу - хочется тихих слов привета, и окрыленная песнь улетает к прозрачным розоватым облакам взморья - там ей покой, отдых и забвенье.

Я не знала, что так тонко – ароматны ночи на море, так лучезарно самоцветны звёзды небесного венца. Что так призывно ласково море, так неуловим и прозрачен предутренний ветер, так задумчиво тихи речи днём шумных рыбаков. Все несет покой полусна под пурпурным бархатом Каприйской ночи.

Мы выехали в открытое море между Солерно и Капри, налево – Египет. Почудилось ли – оттуда повеяло сладким ядом восточных трав, крепких снотворных благовоний? Направо – Африка.

Рыбаки приветливо осматривали знакомые скалы – так хозяин окидывает своим взором благоустроенные владения и, найдя все благополучным, отдается другим заботам дней... Море льстиво гнулось пышной серебряной чешуей перед выплывающим солнцем, дождь золотых роз сыпался на умолкающие струны предутренних звезд. Стройно вздрогнули красные звуки, из каждого рождалась великая песнь утра.

Как будто ожерелья белых кораллов, развились над зубчатой горой облака, и выше – стройные нити бледно-желтых, цвета египетских роз. Не в этих ли пышных облаках неба зарождаются печали форм – не хаос ли они нарождающегося творческого вдохновения? Сколько форм, образов дают их гибкие полеты!

(Бессрочный взор вечности)

Ночь была хрустальная, ясная, лунная; старые женщины мирно болтали на крыльце, над крышами пролетала ч'вётта⁷ с пронзительным криком: тутто міо! тутто міо!⁸ Зыбкая тревога пробежала по лицам старух, отлив последние краски жизни... Самая седая прошептала: "Быть несчастно... быть смерти... мне страшно... мы смеялись: кто смеется в пятницу, вздыхает в субботу, плачет в воскресенье". И все проговорили: "как странно..."

Со мной рядом сидел молодой итальянец, нас отделял от старух горшок диких роз... сосед лукаво воспользовался тревогой – и неожиданный поцелуй обжег мои губы.

Ночь была хрустальная, ясная. От старух нас отделял горшок диких роз.

Сентябрь

Флоренция

1914

* * *

12 апреля

Красиво промелькнули эти дни, напоённые яркостью и ароматом весенних цветов, пышно осенивших имя своего города – Firenze.⁹ Меж них взор быстро, почти бессознательно отмечает прихотливые изгибы ее белых лилий и заветно красных, - да, это ее цвета и оттенки крови, крови такой яркой, ещё горячей, с тонким запахом весенней земли и Финалок, крови всех возрастов и промежутков Времени...

Стоит окинуть с плоской крыши террасы широким взглядом раскинувшийся ниже город – первое, что запечатлевается и приносит какие – то новые, волнующие, чувства, отголоски памяти – тяжелая, в избытке жуткая ... роскошь запекшейся Крови... мозаика пугающих черепичных крыш, разграниченных строгою кладкою серых стен непонятно чарующего флорентийского камня. Какая роскошь для зрения и исторического воображения: горяче – желто – серые, строгие в простоте ворота, башни другого кремля, возраста, города, истории, темный малахитовый бархат старых кипарисов, и над всем этим переливы жгучего красного цвета – цвета Бытия, крови, цвета то ало- пунцового, то бледно, чуть золотистого цвета – цвета памяти, старых летописей, пергаментов – о народных войнах и междоусобиях.

И здесь лишь должны были расцвести красно-золотистые лилии, пьющие влагу древних преданий и былей... А еще выше, едва касаясь острых тонких башен, церквей, пролетают с востока зыбкие ароматные ветры. Не видно красок, форм, но где - то на границе чувства и воображения зарождаются пышные царственные сады и цветники. Где гибко – крылые ветры рассеяли свои цветы на этих синих фосфорящихся вдали горах?! Да? мы пойдем, подыдемся на их

⁷ (Итал.) сова.

⁸ (Итал.) всё моё!

⁹ (Итал.) Флоренция.

выси – к цветам и живому солнцу... Туда отнесем наши лиры, песни, сказки, предания, грезы и надежды. Пусть там завьется наш хоровод лучших порывов и творческих снов и яви.

* * *

Церковь Святой Марии во Флоренции. Открытка из коллекции Веры Хлебниковой.
Фонды Дома-музея Велимира Хлебникова

Почему эти белые лилии религиозных исканий, поэзии духа, лилии, которыми так любили украшать задумчивые в образах художники своих святых и трепетных мадонн, стали красными? – чтобы дать городу имя его будущего.

Предпасхальная неделя прошла сквозь время, как быстрый таинственный сон, полный ароматом, каким-то высоким почти духовным ароматом цветов, среди которых греются и являются необычайные в значении и выразительности линии и формы, но утонченно простые.

Там, где нет места технике, где является дух живой, зародились эти бесхитростные, приковывающие лики темных Флорентийских фресок.

Какая высокая роскошь простоты – эти стены церквей, капелл и дворцов, скрывшие лучшие сокровища душевного мира. То и нужно взору, болезненно утомленному утонченным ритмом линий и форм, аккордом бархатных глубоких красок. Что нужно взору, утомленному избытком прекрасного?

Фигуры Микель Анджело – это та роскошь жизненных форм и движений, запечатленная в твердости серого флорентийского камня – глины.

Длинная полоса ярко-зеленого хлебного поля... Взор радостно слетает в ее мягкий покой и, окунувшись в животворящую свежесть, снова богат силой восприятия. Дни не беззвучные... красотой предвечерних молитв, и еще более пленяющие печалью – в полумраке храмов – органной музыкой.

(Grassina)

* * *

Глубокие по выразительности и значению страницы истории раскрывает безмолвный, долго неиссякаемый ряд темных портретов-гробниц Медичи. Сильнее и жизненней слов истории-начертания душевных знаков на образах темных холстов, так выгодно лишенных суровым временем подробной красочности, – все телесное, временное отошло, и душевное строго и беспощадно обнажено: лица, отразившие всю холю и роскошь герцогства, резко распадаясь на два характера – или полные равнодушия, или с чертами, запечатлевшими почти до жизненного трепета страсти необузданные, стихийно дикие, распущенные широкой дозволенностью Древности герба и властью его носителя.

Как четко запечатлелась в этом неверном изгибе пухлых губ того же лица ненасытное желание новых юношеских поцелуев и болезненная страсть к крупному матовому жемчугу, его жуткому трепету около блаженной груди, зрелищу неистощимо вьющихся вокруг изнеженной шеи его струйных нитей, целых каскадов, ниспадающих на пышный шелк: погрузиться в их негу и лениво грезить о жгучих поцелуях... А этот фамильный портрет ребенка с полустарческим лицом – прошлым ли своих предков или своим – их – будущим?!

Вот высокий черный Медичи с дико нависшими бровями и щетинистой бородой: как он любит породистых гончих собак, гибких и неверных, пышные охоты, ароматные тончайшие белые и золотистые вина... и золотистые волосы... на белизне женского тела. Да, это он любит...

Так говорят первые главные знаки. А дальше, звучно согласуясь с памятью истории, они раскроют вам: темные предательства, братоубийства, напомнят о дорогах отравленных винах, тайных пытках – на поле необузданной власти.

*Двор Palazzo Vecchio. Открытка из коллекции Веры Хлебниковой.
Фонды Дома-музея Велимира Хлебникова*

19 maggio

Как я оставаю Флоренцию?

Чтоб оставить ее, нужно забыть, отречься от прелести ее имени, отречься от нее, отречься от божества, отречься от светлого пламя вечности.

Как оставить ее и любить всем лучшим, душевным? Забыть ее темные кипарисы, высокие темные ворота, чудесно возникшие из серого камня и сна, вечно одухотворенные темными фресками дворцы, церкви, капеллы, и цветы, цветы везде и всем, в воздухе, в солнце, в бархатном полете ночи, в улыбках, взорах, и на мимолетных поцелуях.

Библиография

- Азаркевич 1979: В. Азаркевич, *Творчество В.В. Хлебниковой*, "Искусство", IX 1979, с. 43-47.
- Бобков 1987: С.Ф. Бобков, *Вера Хлебникова. Живопись и графика*. Москва 1987.
- Douglas 1987: С. Douglas, *Velimir Khlebnikov*, в: *Collected Works of Velimir Khlebnikov*, I, Cambridge 1987, с. 3-34.
- Обухова 1977: Л. Обухова, *Вера Владимировна Хлебникова. Живопись и графика*, Москва 1977.

Abstract

Aleksandr Aleksandrovič Mamaev

Tam, za gorami... *Italian Letters, Verses and Prose by Vera Chlebnikova*

The life of Vera Vladimirovna Chlebnikova (1891-1941), a well-known Russian painter and a younger sister of the great Russian poet Velimir Chlebnikov, was closely tied to Italy.

She lived mainly in Florence (1913-1916) where she studied at the Uffizi Gallery. In Italy, she grew into both an original painter and a writer. The House-Museum of Velimir Chlebnikov keeps her letters from Italy addressed to her mother, poems and prose devoted mainly to Florence. Here we present them to the public for the first time.